

сти: желание учительства продолжить организационное строительство, повысить свою роль в общественной жизни, определить пути и задачи дальнейших действий. Материалы архивов и периодической печати убеждают еще раз, что учительство не могло стать организованной силой и осуществить все те преобразования, которые оно наметило в период с марта 1917 г. по январь 1918 г. в условиях революции и военного времени.

1. Государственный архив Пермской области (далее – ГАПО). Ф.42. Оп.1. Д.604. Л.2.
2. Паначин Ф.Г. Учительство и революционное движение в России (XIX — XXв.). Историко-педагогические очерки. М., 1986. С.56.
3. Пермская земская неделя. 1917. №4. С.24-25
4. Пермская земская неделя. 1917. №10, 12 марта. С.30.
5. ГАПО. Ф.603. Оп.1. Д.2. Л.1-2.
6. Уральская жизнь. 1917. 15 апреля. С.3.
7. ГАПО. Ф. Р-119. Оп.1. Д.154. Л.57, 22.
8. ГАПО Ф.603. Оп.1. Д.2. Л.1-2.
9. Знаменский О.М. Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль-март 1917г.) Л., 1988. С.263.
10. ГАПО. Ф. Р-119. Оп.1. Д.154. Л.57.
11. Народный учитель. 1917. № 11-12. С.28.
12. Народная свобода. 1917. №64. 5 октября.
13. Народная свобода 1917. №74. 17 октября.
14. Народная свобода 1917. №77. 20 октября.
15. Народная свобода 1917. № 85. 29 октября.
16. ГАПО. Ф. Р-23. Оп.1. Д.476. Л.15.
17. ГАПО. Ф. Р-23. Оп.1. Д.476. Л.26.
18. ГАПО. Ф. Р-23. Оп.1. Д.2. Л.2.
19. ГАПО. Ф. Р-23. Оп.1. Д.476. Л.26.
20. Изгоев А.С. Об интеллигентности молодежи // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С.207.

Корнилов Г.Е.
(Екатеринбург)

Сталинская модернизации деревни: несостоявшийся агропереход (1935-1953 гг.)

Историография истории колхозного строя СССР представлена большим количеством публикаций. Они написаны в основном в советский

период. В исторических работах утверждалось, что коллективизация и установление колхозного строя являлись закономерностью социалистического строительства. Сельское население рассматривалось как источник пополнения рабочего класса. И.Е. Зеленин отмечал, что отличительная черта коллективизации в годы второй пятилетки состояла в том, что “ее уровень рос не только за счет вовлечения в колхозы новых хозяйств, но и за счет сокращения численности сельского населения” (1). Была поставлена задача изучения степени вовлеченности крестьян в сельскохозяйственные и неземледельческие занятия. Советские историки изучали социально-экономическую природу, основные факторы, положительные и отрицательные последствия отходничества с учетом государственного характера его регулирования. Они декларативно утверждали о болезненном для сельского хозяйства высвобождении излишков рабочей силы в результате повышения производительности труда в колхозах.

В постсоветское время количество работ по теме резко уменьшилось, на историков определенное влияние оказывали политические и социально-экономические изменения, всеобъемлющий кризис сельского хозяйства. В историографии возобладало мнение об отрицательной роли колхозно-совхозной системы, о том, что коллективная форма организации сельскохозяйственного производства не способна справиться с обеспечением населения продуктами питания. Против этих утверждений выступили ведущие историки-аграрники В.П. Данилов, И.Е. Зеленин, Н.А. Ивницкий и другие, которые в условиях горбачевско-ельцинской аграрной реформы (ее смысл декollektivизация) доказывали, что крупные формы сельхозпроизводства в России / СССР имеют исторические корни, отказ от них лишь усугубит кризис сельского хозяйства (2). В последние годы в историографии аграрной истории России выделяются два направления. М.А. Безнин и Т.М. Димони утверждают, что в условиях колхозного строя шло первоначальное накопление капитала и шел процесс формирования протобуржуазии (якобы сформировавшейся к началу 1990-х годов) (3). Другим направлением историко-аграрных исследований, представленный трудами С.А. Есикова, В.А. Ильиных, В.В. Наухацкого и др., является изучение процессов в деревне с точки зрения концепции модернизации, историки исследуют трансформацию аграрной сферы, сельскохозяйственного производства, ее результаты и последствия (4). Автор статьи разработал в рамках этого направления концепцию “аграрного перехода” (5).

1930-е – 1950-е годы представляют собой один из этапов аграрного перехода (перехода от традиционного общества к индустриальному). Это был единый с точки зрения государственной политики по отношению к селу эпизод существования колхозной формы сельскохозяйственного производства в СССР. Как форма ведения сельского хозяйства коллективное хозяйство, или колхоз, насаждалась в первой половине тридцатых годов. Принуди-

тельная коллективизация сельских производителей являлась составной частью сталинской индустриализации, в рамках которой она служила двум главным целям.

В самую первую очередь колхоз являлся инструментом в руках государства для того, чтобы повысить товарность сельского хозяйства по сравнению с периодом НЭПа. Повышение товарности сельского хозяйства требовалось для осуществления сталинской программы индустриализации страны, для того, чтобы обеспечить растущую промышленность сырьем и растущее неаграрное население продовольствием. Несмотря на то, что идея коллективизации во многом состояла в том, чтобы увеличить товарность сельского хозяйства путем интенсификации и повышения производительности труда в отрасли, в первой половине тридцатых колхозы фактически служили исключительно инструментом продрозверстки сельхозпродукции, в частности зерна. Через колхозы государство заставляло крестьянство расстаться с большей долей урожая, чем на то оно было готово в двадцатые годы, платив при этом меньше.

Вторая задача, которую коллективизация должна была решить, была ликвидация крестьянских “мелкособственнических производителей” как “класс”, который мог противостоять большевистской реконструкции народного хозяйства и общества. Коллективизация сопровождалась так называемым “раскулачиванием”, карательная кампания против “сельских эксплуататоров” и тех, кто противостоял принудительной коллективизации. Так как определение этих категорий было весьма размыто, как в теории так и на практике, коллективизация сопровождалась массовым произвольным государственным террором против сельского населения.

Крестьяне сопротивлялись террору и насильственной коллективизации. Противостояние крестьянства и государства продолжалось до середины 1930-х годов, и кончилось победой властей. К середине 1930-х годов активные “антиколхозные элементы” были высланы в отдаленные районы и большая часть крестьян отказалась от индивидуальной формы ведения хозяйства, вступила в колхозы. Главной подоплекой победы властей служило два фактора.

Первый фактор - крупномасштабный голод, который разразился в 1932-33 гг. на Украине, на Северном Кавказе, в Поволжье, на Южном Урале, в Казахстане и в других регионах страны. Голод был следствием комбинации неуклонной продрозверстки зерновых запасов в 1929-32 гг., неурожая, и всеобщего развала сельскохозяйственного производства под натиском коллективизации и репрессий. Голод показал, на что готово сталинское руководство, чтобы сломать хребет крестьянства, и самым элементарным способом заставил крестьянство вступить и работать в колхозах для того, чтобы выжить. После голода 1932-33 гг. о каком-нибудь активном сопротивлении крестьянства против коллективизации речи уже не могло быть.

Вторым фактором для “смирения” крестьянства с колхозом служила определенная смена государственной политики по отношению к селу после окончания голода. Политика была направлена на компромисс с крестьянством. Начало ей было положено решением в конце 1934 года о ликвидации политотделов машинно-тракторных станций (МТС), выполнявших главным образом карательные функции в годы коллективизации. Стержнем политики либерализации стало воплощение положений нового Примерного устава сельхозартели, принятым II-ым Всесоюзным съездом колхозников-ударников в феврале 1935 г. По отношению к предшествующему новый устав однозначно и безоговорочно закрепил право на обобщественную землю за колхозами и на ведение личного подсобного хозяйства на приусадебном участке за индивидуальным колхозным двором (б). Был осуществлен точный обмер и землеустройство колхозных земель и приусадебных участков, проходили торжественные церемонии вручения колхозам актов на вечное пользование землей. В 1935 году постановлением ЦИК и СНК СССР снимались судимости с колхозников, осужденных на 5 лет и отбывавших наказание; в 1938 году было запрещено применять исключение из колхоза как меру наказания. Эти и другие мероприятия властей частично нейтрализовали враждебность, которую породила сплошная коллективизация.

Компромисс о землепользовании, заложенный в уставе 1935 г., являлся основой отношений между властями и крестьянством на протяжении всего оставшегося сталинского периода. Законодательные акты государственных органов, принятые в 1930-е годы, и регламентировавшие деятельность колхозов и колхозников, практически неизменно действовали вплоть до 1953 года – года смерти И. Сталина.

Основные элементы сталинской политики по отношению к селу и к колхозам были:

1) Двухуровневая система сельскохозяйственного производства, состоявшая из обобщественного колхозного хозяйства и личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Уставом 1935 г. право на ведение подсобного хозяйства было поставлено в прямой зависимости от членства крестьянского двора в колхозе. Несмотря на то, что ЛПХ по идее служило потребностям нуждам колхозного двора, государство выкачивало ресурсы как с колхозного производства, так и с ЛПХ. Устав определил размер приусадебной земли в размере от 0,25 га до 0,5 га. Каждый колхозник имел право содержать одну корову, до двух голов крупного рогатого скота, 10 овец и коз, птиц, кроликов, до двух ульев пчел. Размер приусадебного участка и личного хозяйства был дозирован так, чтобы мог обеспечить минимальное воспроизводство семьи колхозника. С этого крошечного участка земли крестьяне кормились, а также платили налоги – денежный и поставки мяса (независимо от того, имел ли крестьянин в своем распоряжении скот и птицу). Лишившись посевов, колхозники могли получать хлеб только из одного источника – из кол-

хоза на трудодни.

Чтобы дальше “стимулировать” трудовую активность колхозников, в 1939 году введен обязательный минимум трудодней, что на практике означало, что право на ведение подсобного хозяйства было поставлено в зависимость не только от членства в колхозе, но также от участия в обобществленном производстве. В этой системе главным рычагом управления властей колхозниками стали меры, направленные на расширение или, наоборот, на ограничение права на ведение подсобного хозяйства. В 1939 – 1940 гг. под лозунгом борьбы с “частнособственническими устремлениями, рвачами и хапугами” прошла первая такая волна ограничения и произошло обрезание земельных участков у колхозников и единоличников. Одновременно завершилось сселение хуторов. Во время войны, наоборот, возможности ведения подсобного хозяйства были расширены, чтобы компенсировать катастрофическое падение производства в колхозном производстве под натиском мобилизации. Послевоенные годы видели новую кампанию, направленную на борьбу с нарушениями устава сельскохозяйственной артели в области размеров приусадебных участков.

Заготовки сельскохозяйственных продуктов государство распределяло в равной мере на колхозы и на приусадебные участки. Зерно, зерновые и технические культуры заготавливались за счет колхозной продукции, в то время как для заготовок мяса, молочных продуктов, овощей значение приусадебных участков было намного больше, чем их скромная доля в земельных угодьях, предполагалось при этом, что колхозное население еще и питалось с них. Объяснение этому скрылось в несоразмерных усилиях колхозников на своих участках и в неэффективности колхозного производства.

2) Второй отличительной чертой сталинской аграрной политики стали комплексные мероприятия, направленные на модернизацию и интенсификацию сельскохозяйственного производства. В 1935 – 1953 годы шел поиск форм организации сельскохозяйственного производства, внедрение прогрессивных технологий и усовершенствование техники, свертывание рыночных товарно-денежных отношений и кооперации, преодоление консервативных представлений крестьянства о смысле и задачах земледельческого труда, изменение типа воспроизводства населения и трансформация сельской семьи, изменение роли женщины, внедрение грамотности и изменение быта сельского населения. Трансформация в аграрной сфере и сельском социуме в рамках модернизации представляет собой агропереход. Специфика сталинской модернизации, однако, заключалась в том, что этот агропереход оказался несостоявшимся. Несмотря на размах модернизационной кампании, сельскохозяйственное производство постоянно восстанавливало то уровень 1913 года, то 1928 года, то 1940 года. Роста производительности труда или реального дохода на душу крестьянского населения не происходило.

Наиболее четко в 1930 – 1950-е годы проявился переход от экстенсив-

ных систем земледелия к интенсивным. Система земледелия – комплекс взаимосвязанных агротехнических, мелиоративных и организационных мероприятий для восстановления и повышения плодородия почв. Аграрное перенаселение, резкий рост городского населения и армии требовали поиска путей роста сельскохозяйственного производства, повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства. В 1930-е годы на Урале в условиях утвердившегося колхозно-совхозного строя, господства крупных форм сельскохозяйственного производства стала внедряться травопольная система земледелия, разработанная В. Р. Вильямсом. Она представляла собой сложную модификацию экстенсивных систем земледелия (паровую, зерновую, многопольно-травяную). Восстановление и повышение плодородия почвы пытались осуществить биологическим путем, с помощью посевов многолетних трав или через систему севооборотов. Посевы многолетних трав выросли в регионе в несколько раз.

В это же время в регионе намечается вытеснение зернового трехполья интенсивной системой полеводства. Чисто зерновое хозяйство уступало место сельскохозяйственному производству с развитым животноводством, возделыванием технических и зерновых культур. Одновременно с формированием крупных индустриальных центров Урала развивается земледелие овощных культур и картофеля. Об этом свидетельствуют изменения в структуре посевных площадей. В то же время проводилась большая опытническая работа по районированию сортов семян сельскохозяйственных культур и бонитировка скота.

За годы Великой Отечественной войны оказались потеряны те элементы интенсификации земледелия, которые активно насаждались в деревне в довоенный период. Деревня была резервуаром ресурсов для развития промышленности. Рост армии и городского населения тяжелым бременем лежал на аграрной экономике. Многопольные (6 – 8 полей) севообороты в регионе были нарушены, их восстановление осуществлялось в конце 1940-х и в 1950-е годы. Не было прогресса в совершенствовании сельскохозяйственной техники – восстанавливаемые в ходе войны и после нее тракторные и другие заводы сельскохозяйственного машиностроения ориентировались на выпуск довоенной техники. Существенный удар по внедрению интенсивных технологий был нанесен “лысенковщиной”, объявившей войну новым методам селекции и семеноводства. В силу объективных и субъективных факторов на этой фазе агроперехода в целом господствовало экстенсивное развитие сельского хозяйства, что сопровождалось нарастанием проблемы продовольственного обеспечения населения.

Целый комплекс модернизационных тенденций был также связан с механизацией и механизацией сельскохозяйственного труда. В 1930-е годы на Урале складывается система предприятий сельскохозяйственного машиностроения. В регионе повсеместно распространяются тракторы и комбайны,

намечается процесс перехода от конно-ручной тяги к механизации основных трудоемких сельскохозяйственных операций. Первые тракторы были завезены в область в 1924 году, а комбайны – в 1930 году. В 1929 году была организована первая на Урале Краснополянская машинно-тракторная станция. В 1933 году в Свердловской области было 24 МТС, в 1940-м их число выросло до 70, количество тракторов в них – с 648 до 4058, комбайнов - с 28 до 2001, грузовых автомобилей – с 75 до 259. МТС обслуживали перед войной более 90% колхозов. Объем тракторных работ, производимых МТС в колхозах Свердловской области, вырос более чем в 7 раз (7). Вырос новый слой сельского населения – механизаторы (трактористы, комбайнеры, шоферы, ремонтные рабочие), которые и были носителями модернизационных изменений в этой фазе агроперехода.

Вторая половина 1930-х годов – время широкого охвата колхозников профессионально-техническим обучением. Работа по подготовке кадров не только обеспечивала МТС, колхозы и совхозы квалифицированными работниками, но и в значительной степени поднимала уровень сельскохозяйственных знаний у всех крестьян, позволяла добиваться высоких производственных результатов. Почетное право поехать в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку получили 267 колхозов, 25 совхозов, 45 МТС, 64 животноводческие фермы и 1100 передовиков сельского хозяйства области (8).

Другой вектор развития сельского хозяйства в 1930-е годы состоял в диверсификации сельскохозяйственного производства в сторону животноводства и овощеводства. Накануне войны вокруг Свердловска стала создаваться картофельно-овощеводческая зона, включавшая колхозы и совхозы 17 районов области. Посевы овощей и картофеля в пригородной зоне были увеличены в 2 раза, выросло их товарное производство, однако решить вопрос о полном обеспечении горожан этими продуктами не удалось, значительную их часть приходилось завозить из других районов страны.

В 1930-е годы вырос удельный вес животноводства колхозов и совхозов. В 1940 году на их долю приходилось 44,7% крупного рогатого скота, 27% овец и коз, 78% свиней и 96% лошадей. Большая часть скота находилась в личных подворьях колхозников, в хозяйствах рабочих и служащих (9).

Экономически неокрепшим колхозам были увеличены кредиты для покупки скота, постройки животноводческих помещений. Активизировалась работа по улучшению породности путем широкой метизации более продуктивными животными. В 15 колхозах области были организованы племенные фермы по выращиванию коров местной тагильской породы, в 33 районах разводились тонкорунные овцы, в 24 районах имелись 67 племенных свиноводческих ферм. В предвоенные годы начали разворачиваться работы по водоснабжению ферм, механическому доению коров. Однако по всем категориям хозяйств поголовье скота к началу 1941 году не достигло уровней

1913 и 1928 годов. Крупного рогатого скота по сравнению с 1913 годом в 1941 году было 80,1%, по отношению к 1928 году – 80,4%; по коровам, соответственно, 82,3 и 83,7%; по свиньям – 90,2 и 104,5%; по овцам и козам – 102,6 и 81,6% (10).

Безусловно, тяжелые военные годы сыграли свою роль, но нет никакого сомнения в том, что основной причиной неумения сталинской колхозной системы поднять производительность труда было полное пренебрежение человеческим фактором в производстве, отсутствие адекватного вознаграждения за труд в обобществленном хозяйстве. Колхозники получали за свою работу по остаточному принципу после выполнения всех без исключений “обязательств перед государством” и без учета соразмерности этих выплат с предоставляемыми усилиями. В результате колхозное население сосредоточивало усилия на свои приусадебные участки - основной источник продуктов, необходимых для физического выживания, и стремилось работать в колхозе по остаточному принципу.

3) В отсутствии материальных стимулов к труду в колхозном производстве взаимоотношения власти и крестьянства были построены на трудовой повинности и административных мерах воздействия. Обязанности колхозников по отношению к победителю государству были разнообразными и многочисленными. Это и обработка колхозных полей и уход за общественным скотом. Нерадивые и неисполнительные наказывались. Это и содержание собственного скота и обработка во внерабочее время собственного приусадебного участка, при этом с этого клочка земли необходимо было платить налоги и выполнять мясopоставки государству. Это и поддержание в порядке дорог, строительство хозяйственных помещений, лесозаготовки, торфозаготовки. Это и содержание учителей, бухгалтеров и счетоводов. Это и служба в армии. Это и участие в колхозных собраниях и общественных мероприятиях. Чтобы колхозник не уклонялся от этих повинностей, он был лишен права на свободу передвижения. После введения паспортной системы в 1933 – 1935 гг. выезд из деревни был возможен только с разрешения администрации (сельского совета).

Попытки колхозного населения уклониться от повинностей встречались карательными мерами, от наложения штрафов и дополнительных налогов вплоть до массовых репрессий. Хотя уровень и произвол террора времен коллективизации не вернулись на село в периоде, рассматриваемом в настоящей статье, прослеживаются, по крайней мере, две ярко выраженных волны государственных репрессий - в 1937-м и в 1948-м годах.

Репрессии развернулись с особой силой летом 1937 года. Дело в том, что погодные условия этого года были в целом благоприятны для сельского хозяйства. Однако чрезмерные государственные хлебозаготовки в неуражайном 1936 г. поставили под угрозу уборку урожая. Власти предприняли попытку облегчить положение в деревне. СНК СССР и ЦК ВКП(б) 5 июля

1937 г. приняли постановление “Вопросы Свердловской области”, по которому колхозам области из фондов Комитета резервов отпускалась продовольственная ссуда 2000 тыс. пудов зерна, для северных районов выделялось 360 тыс. пудов семян ржи, частично были рассрочены или списаны недоимки по ссудам и налоговым платежам (11).

Это постановление было реакцией властей на антиколхозные настроения, которые фиксировались во всех сельских районах весной – летом 1937 года из-за нехватки хлеба. Докладные записки, направляемые в обком партии из районов, фиксировали “антисоветские выступления вредителей”. На общем собрании колхоза имени Ворошилова Гунинского сельсовета Ирбитского района колхозник И.С. Бархатов выступил с заявлением, в котором отождествил советский строй с крепостническим. На собрании ему отпора не дали (12). В Мельничном сельсовете Частинского района среди колхозников педагог Стракович говорил: “Смотрите, вот вам потемкинская деревня, флаги вывесили, снаружи украсили, а колхозники сидят голодные” (13). Партизан Коломыгин из Красноуфимского района, будучи в пьяном состоянии, кричал в очереди: “За что боролись, надо браться за вилы, ружья и идти перевертывать власть”. В очередях открыто издевались над лозунгом “Жить стало лучше, жить стало веселее” (14).

Крестьянское недовольство сталинской политикой было несомненным. 3 августа 1937 г. вышла директива ЦК ВКП(б) об организации показательных судебных процессов - по 2 – 3 в каждой области над врагами народа – вредителями сельского хозяйства. Уже на следующий день бюро Свердловского обкома ВКП(б) приняло постановление “Об организации показательного процесса” над вредителями сельского хозяйства в Коми-Пермяцком округе (15).

В сентябре 1937 г. бюро Свердловского обкома ВКП(б) приняло два постановления: 14 сентября “О проведении суда над вредителями в приемке и хранении зерна” (16); 20 сентября “О процессах над вредителями в сельском хозяйстве”. 21 октября бюро обкома принимает еще одно постановление “О проведении показательных судебных процессов над вредителями по животноводству” (17).

Показательные судебные процессы (первый в области процесс был организован в Таборинском районе) должны были перенаправить недовольство колхозников на местную исполнительную власть и мобилизовать колхозников “на борьбу с вредительством и его носителями”.

Параллельно с репрессиями крестьянства проходила смена руководящего состава Свердловского обкома ВКП(б). За 1937 – 1938 гг. пост первого секретаря обкома занимали И.Д. Кабаков, А.Я. Столяр, К.Н. Валухин. Сразу после их снятия следовала смена руководителей земельных органов (областных и районных), менялся руководящий аппарат, а затем – снимали директоров МТС, совхозов и руководителей колхозов, специалистов сельского

хозяйства. Так, в июне 1937 г. после ареста И.Д. Кабакова в областном земельном управлении были сняты 9 руководителей отделов, 19 районных руководителей земельных отделов. А за 1937 г. было снято с работы 100 директоров МТС, 64 заместителя директора по политической части МТС, 32 уполномоченных Наркомзага, заведующих райзо сменили почти всех. Около тысячи коммунистов из городов были посланы на работу вместо уволенных (18).

В июне 1938 г. секретарь обкома ВКП(б) К.Н. Валухин на областной партконференции поставил вопрос: “Почему, разгромив при непосредственной помощи ЦК партии банду Кабакова, вторично допустили крупнейшую политическую ошибку, допустив проникновение в партийное и советское областное руководство вновь врагов народа в лице Столяра и его сподручных” (19). Объяснение этому находили одно – слишком много врагов, они многолики, они проникли повсюду. А в декабре 1938 г. на пленуме Свердловского обкома ВКП(б) новый секретарь вновь отмечал: “... после разгрома основных контрреволюционных групп остались еще контрреволюционные элементы, которые продолжают в ряде мест вести свою вражескую подрывную работу, направленную на подрыв социалистического сельского хозяйства” (20).

“Контрреволюционные группы” в 1938 г. были разоблачены в колхозах ряда районов области, “... которые вели работу и всячески старались развалить работу колхозов, подорвать развитие сельского хозяйства”. Вот некоторые “примеры”: в Сухоложском районе в колхозе “Буер” контрреволюционная группа уничтожила фруктовый сад и стноила 69 ц сортовых семян; в колхозе “Революционер” – выпекая недоброкачественный хлеб, отравила 16 трактористов; в Шалинском районе группа сектантов-хлыстов развалила трудовую дисциплину в колхозах; в Красноуфимском районе “контрреволюционеры” заразили зерно клещом, выводили из строя механизмы на элеваторе; в Нижне-Сергинском районе – противодействовали выполнению государственных поставок (21).

Репрессии крестьян продолжались до 1950-х годов, принимая различные формы и размах. Вторая ярко выраженная волна репрессий проводилась, начиная со второй половины 1948 г., на основании указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. “О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни”. На места было разослано закрытое письмо ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР “О задачах партийных и советских организаций в связи а предстоящим проведением мер по выселению в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни”, с которым были ознакомлены районные партийные и советские работники. Репрессиям подвергались

колхозники, которые не вырабатывали минимум трудодней, самовольно покидали колхозы, ловили рыбу и охотились в государственных лесах, занимались каким-либо ремеслом (шитьем одежды, изготовлением валенок). Кампания охватила практически все колхозы.

Репрессии на селе не ограничивались этими массовыми кампаниями, они были составной частью системы государственного управления сельским хозяйством в рассматриваемый период. Лишь после смерти диктатора в 1953 г. их уровень спал.

4) Самой отличительной чертой сталинского периода в существовании колхозной системы производства, однако, был катастрофически низкий уровень жизни на селе. Доходы колхозников были значительно меньше, чем доходы любой другой категории населения. Крестьяне были самой бедной и материально неблагополучной группой населения. Только смерть И. Сталина и кризисное положение в сельском хозяйстве страны заставили руководство корректировать аграрную политику, одним из основных направлений которой стал курс на улучшение жизни колхозников. Факторами, тормозящими улучшение материального состояния колхозников, были: жесткая налоговая политика, низкая оплата труда в колхозном производстве и политика властей на ограничение личных подсобных хозяйств. Условия жизни колхозного крестьянства предопределялись его униженным правовым статусом в обществе. Колхозники не имели ежегодных отпусков, не получали выплат во время болезни, не было оплачиваемых отпусков по беременности и родам для колхозниц, почти никто из колхозников не получал пенсий.

В выделенных хронологических рамках истории деревни в этой связи особенно заметен период 1941 – 1945 годов – Великая Отечественная война. На территории Урала не велось военных действий, это был район глубокого тыла, однако экономическое положение деревни было существенно подорвано, резко ухудшилось материальное положение колхозников – снизилось потребление продуктов питания, катастрофическим было положение с непродовольственными промышленными товарами.

Значение этой постоянной бедности на протяжении почти двадцатилетнего периода трудно переоценить. Непосредственные последствия выражались в постоянном бегстве в города и в промышленность, в хронических болезнях, в эпидемиях и т.д. В исторической литературе фиксируются всплески недоедания и голода в различных районах Урала за три отдельно взятых года (1937, 1943, 1947), а вероятно таких случаев в реальности было еще значительно больше. Более длительные последствия надо искать во всеобщей деморализации, дискредитации колхозной системы, утрате веры в возможности будущего для себя и своих детей в аграрном секторе и в сельском обществе.

Урал как район смешанного экономического профиля и интенсивного индустриального развития позволяет показать положение колхозного аграр-

ного сектора в рамках сталинской модели экономического развития. Форсированная индустриализация Уральского региона вызвала рост городского населения, миграцию сельского населения в города, сокращение его удельного веса в составе всего населения. В период между переписями 1926 и 1937 годов население Свердловской области (в административных границах 1937 года) увеличилось на 30,7%. При этом количество горожан стало больше на 145,8%, а селян уменьшилось на 15,7%. Удельный вес сельского населения по области составлял в 1928 году – 73,3%, в 1934 – 51,8%, а в 1937 – 43,3% (22). К концу второй пятилетки по Свердловской области количество горожан превысило сельское население. Основными факторами сокращения сельского населения были: тяжелые условия труда и быта, низкий жизненный уровень в колхозах, последствия голодовки в первой половине 1930-х годов и бегство в города.

При всем единстве периода тем не менее выделяются три отдельных хронологических секции - 1935-1941 гг., 1941-1945 гг., 1945-1953 гг., каждая из которых имеет свою специфику.

Период 1935-1941 гг. был временем воплощения в жизнь вновь выработанного компромисса между колхозным населением и властями. Напряженность социально-политической ситуации и экономической обстановки начала 1930-х годов сменилась во второй половине десятилетия относительной стабилизацией и некоторым ростом материального положения колхозников Урала. Неурожаи 1931, 1932 и 1936 годов сменились обильными урожаями 1937 и 1938 годов (урожайность зерновых выросла в два раза).

В годы второй пятилетки темпы коллективизации не форсировались, однако процесс колхозного строительства шел достаточно быстро. Число колхозов Свердловской области (в административных границах 1939 года) выросло с 1932 по 1939 гг. на 5,2% и достигло 2153, процент коллективизации по числу дворов увеличился с 63,4 до 90,1%. Коллективизация проходила на фоне резкого сокращения крестьянских хозяйств, во многом за счет бегства крестьян на стройки промышленных предприятий. За пять лет, к середине 1938 года, их число уменьшилось на 28,5%. К лету 1941 года в области оставалось 4,6 тыс. единоличных хозяйств. Число колхозов достигло 2164, в них насчитывалось 140,2 тыс. дворов, в коллективных хозяйствах было объединено 97,1% всех крестьянских дворов (23).

В рамках нового устава сельхозартели 1935 г. в эти годы бурно развивались личные подсобные хозяйства колхозного населения. Значительно выросло количество скота в индивидуальном пользовании, улучшилось питание и активно шла торговля продукцией приусадебных участков на колхозных рынках. Процветание личного подсобного хозяйства длилось до лета 1939 г., когда разразилась первая после принятия устава кампания, направленная на ограничение деятельности колхозного населения на своих приусадебных участках. На основе постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27

мая 1939 года “О мерах охраны общественных земель в колхозах от разбазаривания” произошло обрезание приусадебных участков колхозников и запрещалось дальнейшее использование колхозных земель в качестве пастбища для необобществленного скота. В сентябре месяце был принят новый Закон о сельскохозяйственном налоге, который также ужесточал налогообложение ЛПХ (24).

Обстоятельства, которые побудили руководство страны к этой атаке на личное подсобное хозяйство колхозников, требуют разъяснения. Нами обнаружена стенограмма совещания в ЦК ВКП(б) по вопросу о приусадебных землях в колхозах от 19 мая 1939 г., на котором готовилось о принятии постановления 27 мая “О мерах охраны общественных земель в колхозах от разбазаривания”. В преамбуле к самому постановлению говорилось в первую очередь о том, что вовлечение колхозников в ведение своего хозяйства пошло в ущерб их участия в колхозном производстве. По всей видимости, играл свою роль и ряд других факторов, в числе которых озабоченность о степени государственного контроля над аграрными производителями в случае войны, стремление увеличивать государственные резервы зерна параллельно с мобилизацией, а также растущие проблемы с вербовкой рабочей силы для промышленности среди сельского населения.

Великая Отечественная война сопровождалась активным применением в сельском хозяйстве, как и в других отраслях, методов государственного регулирования и регламентации. Аграрная политика в период войны, как и до нее, была призвана повысить уровень аграрного производства, поставить под контроль земельные отношения, материально-техническое снабжение, финансовую и налоговую системы, распределение рабочей силы. Государство было не только монопольным потребителем сельскохозяйственной продукции, но и присваивало себе большую часть национального дохода, производимого в аграрной сфере. Оно направляло полученные средства на достижение победы.

В едином аппарате военно-экономической мобилизации сельского хозяйства заметную роль играли заготовительные органы. Посредством этого аппарата в деревне действовала разветвленная сеть, которая свидетельствовала о том, что опека непосредственного производителя была доведена до предела. Эта система, опираясь на органы милиции, позволяла выколачивать из деревни большую часть произведенной продукции сельского хозяйства. Государство было ее единоличным обладателем и распорядителем. Заготовительным работам придавалось большое военно-оборонное значение (“Хлеб – это победа!”), в их осуществлении принимались всевозможные, зачастую чрезвычайные меры для изъятия у населения продукции (сдача семенного материала, маточного поголовья, сокращения и невыдача по трудодням). Местные власти организовывали походы по выбиванию зерна из деревни, используя уже отработанные методы - посылка уполномоченных в

деревню, постоянная смена руководителей колхозов, репрессивные меры, суровое наказание “саботажников хлебозаготовок”. Увеличению обложения способствовал погектарный порядок начисления обязательных поставок, видовая оценка урожая. Изъятие хлеба на Урале у его производителей доходило до 49% от валового сбора, колхозы сдавали до 58% полученного молока, до 74% масла, до 75% шерсти, до 82% яиц (25). Могло ли развиваться сельское хозяйство, если больше половины продукции шло на выполнение первой заповеди колхозников?

Общий земельный фонд на Урале в годы войны не изменился, в то же время выросла доля несельскохозяйственных угодий, уменьшились площади пашни, лугов, пастбищ и выгонов, увеличились перелог и залежи. Это было связано не только с тем, что на Урале шло интенсивное индустриальное освоение, но и условия ведения аграрного производства привели к тому, что использовать здесь имевшиеся земельные угодья не было возможности, тысячи гектаров земли вышли из обработки, были запущены (26). Часть земли стала передаваться промышленным предприятиям для организации подсобных хозяйств.

Ухудшение технического обслуживания, нехватка запасных частей, отсутствие капитального ремонта – все это вело к быстрому износу сельскохозяйственной техники и орудий. Тракторов в сельском хозяйстве Урала за годы войны стало меньше на 16% (на одну МТС приходилось 53 трактора, а обрабатывать поля на них было необходимо в среднем в 30 колхозах), комбайнов – на 1%, грузовых автомобилей – на 67%. В среднем на один колхоз на Урале в 1945 году приходилось 14 конных плугов, 2 косилки, 3 жатки, 0,2 сложных и 1,1 простых молотилок, 4,7 косы. Колхозники стали использовать на полевых работах домашний скот, простейшие орудия труда. Резкое сокращение полевых работ, выполняемых МТС, приводило к срыву основных сельскохозяйственных кампаний в колхозах. В 1943 году объем тракторных работ МТС сократился по сравнению с 1940 годом в 2,5 раза, а комбайновая уборка – в 2,9 раза (27). Ручной труд становился основным при организации хозяйства, что чрезвычайно сужало рамки аграрного производства. По переписи 1939 года в Свердловской области в сельской местности проживало 1056 тыс. человек, а на начало 1944 года – 869 тыс. человек. Деревня в годы войны несла двойные потери – гибель людей на фронте и в тылу и уход населения в города. Размеры смертности среди гражданского населения тылового Урала были таковы, что в 1942 – 1944 годах превышали рождаемость, т.е. естественного прироста не происходило. В составе факторов смерти населения резко повысилась роль экзогенного воздействия. Следствием голодного существования, эпидемий имел место рост умерших от туберкулеза, желудочно-кишечных и инфекционных заболеваний. Резко деформировалась половозрастная структура сельского населения.

Особенно заметным было сокращение трудоспособного населения кол-

хозов – с 246,1 тыс. человек в 1940 году до 160,2 тыс. в 1944 году, что было связано как с повышенной миграцией лиц трудоспособного возраста, так и с высокой их смертностью. В 1940 году среди населения колхозов трудоспособных лиц было 44%, в 1944 – только 33%. Сельское хозяйство во время войны испытывало острую нехватку рабочих рук. Главной трудовой силой деревни стали женщины. В общем балансе трудоспособной рабочей силы в колхозах их удельный вес составил в 1942 году – 78%, в 1943 – 81%.

Ухудшение технического оснащения, сокращение трудовых ресурсов села, отсутствие квалифицированных специалистов сельского хозяйства во время войны привели к ломке структуры посевов. Посевные площади на Урале уменьшились до уровня 1928 года, а посевы зернобобовых оказались меньше, чем в 1913 году. В то же время выросли посадки овощей и картофеля на 43%.

Синтетическим показателем, характеризующим состояние аграрного производства, является урожайность сельскохозяйственных культур. В нем концентрируются главные факторы земледелия: энергетическое обеспечение, состояние почв, агротехнические методы, организация труда и т.д. Урожайность всех сельскохозяйственных культур на Урале падала до 1944 года. В 1943 году урожайность зерновых упала в три раза (в ряде колхозов собрали меньше, чем посадили). Если валовые сборы 1940 года на Урале принять за 100%, то в 1941 году сбор зерновых составил 89,6%; в 1942 – 46,6%; 1943 - 33,8%; 1944 - 49,5%. Посевы зерновых в регионе сократились в годы войны на треть, а валовые сборы уменьшились наполовину (28).

Сокращение производства зерна влекло за собой ослабление кормовой базы животноводства. Картофель шел на продовольственные нужды. Нехватка и отсутствие комбикормов вели к снижению продуктивности животноводства. Сократилось маточное поголовье, уменьшился приплод молодняка. Все это привело к сокращению поголовья животных по всем категориям хозяйств на Урале: свиней - на 56%, лошадей – на 45%, овец и коз – на 34%, крупного рогатого скота – 4%. Война отбросила животноводство региона далеко назад.

Резкое ослабление экономики колхозов и одновременное увеличение обложения их налогами привели к сокращению фондов потребления. Отдавая основную часть рабочего времени труду в колхозе, крестьяне не обеспечивались средствами существования. Поступления от общественного хозяйства не имели решающего влияния на бюджет крестьянской семьи. Приоритетным для колхозников было личное подворье.

Посевные площади приусадебных участков колхозников выросли на 10% и составили в среднем 0,2 га. Это было больше, чем предусматривалось Уставом сельхозартели, поэтому уже в 1945 году снова началась борьба с “разбазариванием общественных земель”. Материалы бюджетных обследований семей колхозников показывают, что от своего хозяйства получали

98% картофеля, 95% мяса, 99% молока, зернобобовых – 1 – 2% от всего прихода. Личные хозяйства были основным источником денежных поступлений (в основном, от продажи скота и сельскохозяйственных продуктов на колхозном рынке). Колхозники были вынуждены продавать продукты, чтобы справиться с денежными налогами. К возросшему в годы войны в 5 – 6 раз сельскохозяйственному налогу прибавились налоги на холостяков и малодежных граждан, военный налог.

Основным показателем материального положения крестьян является питание. В рационе питания колхозников произошли существенные изменения: в годы войны в два раза сократилось потребление хлеба, рыбы, яиц, крупы, на треть мяса и сала. Практически исчезли с крестьянского стола продукты промышленного производства. Основными продуктами питания оставались картофель, овощи и молоко.

С начала 1944 года вокруг индустриальных центров Урала создаются собственные продовольственные базы. 24 марта 1944 г. ГКО впервые за военные годы принял постановление, касающееся сельского хозяйства, “О мероприятиях по усилению продовольственной базы промышленных центров Свердловской области” (29). Впервые местным органам разрешалось изменять структуру посевов, были уменьшены площади, облагаемые поставками, с колхозов списывались недоимки, предусматривалось увеличение снабжения деревни техникой, инвентарем, семенами; хозяйствам пригородных зон разрешалось снижать нормы обязательных поставок зерна, запрещалась мобилизация рабочей силы из колхозов в промышленность. Комплекс предпринятых мер свидетельствовал о заметном повороте в аграрной политике. Корректировка политики партии и правительства в отношении колхозной деревни была непосредственно связана с приближением конца войны, с завершением освобождения оккупированных территорий от захватчиков.

Изменения в аграрной политике в короткие сроки дали в регионе достаточно ощутимый результат. Кризисная ситуация в аграрном производстве начала преодолеваться. Однако, к концу войны колхозы Урала подошли до крайней степени ослабленными и обессиленными – с разрушенными производственными силами, запущенной землей, отброшенным на десятки лет назад животноводством. Деревня работала на износ, и это была цена, которую заплатило крестьянство Урала за победу в войне. Трудом на пределе человеческих сил, самопожертвованием крестьян удалось снабдить страну необходимым минимумом продовольствия, спасти от голода.

После окончания войны жизнь в деревне оставалась исключительно тяжелой. Победа принесла надежды на счастливую и спокойную жизнь. В 1946 – 1950 годах власти предприняли ряд мер по подъему сельского хозяйства. Однако мероприятия носили преимущественно организационный характер и отражали курс на экстенсивное развитие. Экстенсивная направлен-

ность программ восстановления и развития сельского хозяйства определялась прежде всего тем, что они исключали главный элемент интенсификации – человека, и не обеспечивали заинтересованности колхозников в своем труде. Фронтовики, вернувшись в родные места, были горды своим участием в Победе. Писатель Е. Носов верно заметил: "Потом ведь в их жизни почти ничего стоящего не было. Он вернулся с фронта и опять как бы опустился до уровня пастуха ли, трудяги простого, сторожа магазинного. Он вернулся в деревню Ванькой и этим Ванькой остается всю жизнь".

В 1946 году началась новая крупномасштабная кампания по борьбе с нарушениями Устава сельхозартели, главной целью которой был контроль землепользования. В результате работы комиссий колхозам были "возвращены" по области около 95 тыс. га, но в большинстве случаев это приводило к нерациональному использованию угодий, а нередко и к запустению ранее обрабатываемых площадей.

Отрицательные последствия лавинообразно возрастали при планировании таких крупномасштабных мероприятий, как электрификация деревни и укрупнение колхозов. Инициатором сельской электрификации в стране была Свердловская область, затем это движение охватило всю страну. Ее проведение опирались на мощный промышленный потенциал. К 1950 году электроэнергию получали 87% колхозов и 97% МТС. Однако, несмотря на впечатляющие успехи, электрификация не принесла ожидаемых результатов. Вследствие низкого качества из 675 электростанций не работали 101. Маленькие станции были нерентабельны, в 1952 году их стали закрывать. На строительство же малых электростанций хозяйства затратили около 127 млн. рублей.

В очень трудном положении после войны оказалось животноводство. Принятый в 1949 году трехлетний план его развития предусматривал увеличение поголовья скота, рост продуктивности, улучшение породности. Запланированные производственные показатели оказались нереальными. Чтобы выполнить плановые задания к отчетному периоду, колхозы покупали скот у населения. Ситуация резко обострилась в 1950 году, когда в связи с укрупнением колхозов в одночасье были ликвидированы мелкие фермы, а для создания крупных у хозяйств не было ни средств, ни сил.

К началу 1950-х годов сельское хозяйство региона добилось некоторых результатов. Если объем сельскохозяйственной продукции 1945 года взять за 100%, то в 1950 году он составил 165%. Урожайность зерновых возросла с 7,5 ц с га в 1946 году до 9,1 ц с га в 1950-м (30). Однако довоенного уровня достигнуть не удалось. Противоречивость ситуации в аграрном секторе заключалась в том, что достигнутые производственные результаты не облегчили тяжелое экономическое положение колхозов, кризис только усугубился. Конфискационно-заготовительная и налоговая политика подрывала внутренние ресурсы аграрной экономики. Не осталось возможностей даже

для простого воспроизводства. Большинство хозяйств имели задолженности по обязательным поставкам и по натуроплате МТС.

Одним из показателей колхозного производства являлась оплата трудодня. В послевоенный период она была настолько незначительной, что только за счет доходов от приусадебного хозяйства колхозники обеспечивали свое существование. Стоимость трудодня, по которой оценивался труд колхозника в 1950 году, включала в среднем 48 копеек; 1,15 кг зерна; 0,08 кг картофеля; 0,17 кг овощей и 0,24 кг сена (31).

Неудивительно, что в послевоенные годы усилился миграционный отток из деревни, а также выросло количество колхозников, невыработавших минимум трудодней. Сельчане уходили на промышленные предприятия через организованный набор, или мигрировали стихийно. Чтобы задержать людей в колхозах, использовали административные меры, не выдавали справки, дававшие право на получение паспорта.

Массовая демобилизация армии несколько затормозила сокращение сельского населения, но не остановила его. Если в 1944 году в Свердловской области в сельской местности проживало 869,6 тыс. человек, то в 1947 – 830,6 тыс., в 1951 – 810,8 тыс. Еще больше сократилась численность трудоспособных колхозников – с 261,1 тыс. человек в 1940 году до 168,4 тыс. в 1950 году.

Начало 1950-х годов связано с сильным сокращением сельскохозяйственного производства. В 1951 году его объем составил 85,6%, а в 1952 – 77,7% от уровня 1950 года. Одной из причин нарастающего кризиса стало массовое укрупнение колхозов. Масштабность укрупнения колхозов фактически переросла рамки просто организационных изменений и оказала влияние на все стороны жизни деревни. Идеологическую основу этой кампании составила идея превосходства крупного хозяйства над мелким по аналогии с промышленностью. В Свердловской области с осени 1950 года количество сельхозартелей уменьшилось с 2124 до 957, а к 1953 году – до 721 хозяйства (32). Объединение осуществлялось административными методами, при этом мнение колхозников чаще всего не учитывалось. Как и во времена коллективизации, в деревнях стали забивать скот, растаскивать колхозное имущество.

Это была попытка поднять экономику огромного количества слабых в экономическом смысле хозяйств за счет их более зажиточных соседей, происходило перераспределение средств между колхозами.

В результате увеличения земельных фондов колхозов выросли налоги и размеры государственных поставок, натуроплаты МТС, одновременно выросли затраты на внутренние коммуникации и себестоимость продукции. Если в 1948 году убытки колхозов составляли 508 тыс. рублей, то в 1952 году – уже 5022 тыс. рублей, т.е. выросли в 9,9 раза (33). Особенно тяжело сказались последствия укрупнения на состоянии животноводства. Началось сселение малых деревень.

Для преодоления кризиса в сельском хозяйстве, повышения жизненного уровня колхозников, необходимо было изменить направленность аграрной политики, смягчив ее конфискационный характер и повысив заинтересованность сельских жителей к их труду. Смерть И.В. Сталина стала началом нового этапа в жизни страны. Пересмотр основных направлений аграрной политики был предпринят на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 года. Начнется другой этап агроперехода.

1. Зеленин И.Е. Новая литература по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР // Вопросы истории. 1971. № 6. С. 154 – 162; Он же. Проблемы коллективизации сельского хозяйства СССР в новейшей советской историографии // История СССР. 1978. №1. С. 90.
2. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрные революции в России // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. М., 2002. С.20 – 37; Он же. Аграрные реформы и крестьянство России (1861 – 1994 гг.) // Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1995. С. 11 – 12; Он же. Падение советского общества: коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия? ...Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999. С.15; и др.
3. Безнин М.А., Димони Т.М. Процесс капитализации в российском сельском хозяйстве // Отечественная история. 2005. №6. С.94-121; Они же. Аграрный строй России в 1930 – 1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. №7. С.23 – 44.
4. Есиков С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929 – 1933 гг.). Тамбов, 2005; Ильиных В.А. Аграрный строй Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. М., 2002. С. 644 – 654; Он же. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921 – 1928 гг.). Новосибирск, 2005; Наухацкий В.В. Аграрная политика в СССР в 1965 – 1990 годах: проблемы разработки и реализации. Ростов-на-Дону, 1996; Наухацкий В.В., Кабанов А.Н. Развитие социальной сферы села Ростовской области в 1965 – 1991 гг. Ростов-на-Дону, 2005; Лабузов В.А. Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти (1917 – 1932 гг.). Оренбург, 2004; и др.
5. Корнилов Г.Е. Аграрное развитие и создание системы продовольственного обеспечения в первой половине XX века // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. М., 2002. С. 507 – 515; Он же. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // XX век и сельская Россия. Токио, 2005. С. 286 – 313; и др.
6. Первый устав сельскохозяйственной артели датировался с 1930-го года. См.: СЗ СССР 1930 г. № 24, ст. 255.
7. Российский государственный архив экономики (далее - РГАЭ). Ф.1562. Оп.324. Д.165. Л.52.
8. Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф.4. Оп.33. Д.224. Л.32 – 38; Оп.34. Д.146. Л.116, 117.
9. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.1813. Оп.1. Д.889. Л.173.
10. Там же.

11. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939: Документы и материалы. Т. 5. Кн.1. М., 2004. С.261 – 263.
12. ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.172. Л.20.
13. ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.104. Л.48.
14. ЦДООСО. Ф.4. Оп.15. Д.104. Л.76.
15. Трагедия советской деревни. Т.5. Кн.1. С.394 – 395.
16. Там же. С. 453.
17. Там же. С. 490.
18. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д. 223. Л.25.
19. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.5. Л.12.
20. ЦДООСО. Ф.4. Оп.33. Д.19. Л.155.
21. Там же. Л.156 – 158.
22. Рассчитано по: РГАЭ. Ф.1562. Оп.329. Д.143. Л.133; Всесоюзная перепись населения 1937 года. Краткие итоги. М., 1991. С.54 – 57.
23. РГАЭ. Ф.1562. Оп.82. Д.271. Л.44.
24. Ведомости Верховного Совета СССР. 1939 г. № 32.
25. Корнилов Г.Е. Уральская деревня... С.113.
26. РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.59. Л.20; Д.298. Л.11; Д.545. Л.80 – 82; Д.791. Л.23 – 25; Д.1257. Л.32 – 34.
27. РГАЭ. Ф.1562. Оп.324. Д.911. Л.31; Ф.7486. Оп.4. Д.762. Л.64, 116.
28. Корнилов Г.Е. Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Свердловск, 1990. С.74.
29. Уральский рабочий. 1944. 25 марта.
30. История народного хозяйства Урала (1946 - 1985). Часть II. Свердловск, 1990. С.68.
31. ЦДООСО. Ф.4. Оп.50. Д.211. Л.30.
32. ЦДООСО. Ф.4. Оп.47. Д.131. Л.195; Оп.50. Д.211. Л.4.
33. Мазур Л.Н. Укрупнение колхозов на Урале в начале 50-х годов // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в советский период. Екатеринбург, 1992. С.63.

Кругликов В.В.
(Екатеринбург)

Изучение проблем развития народонаселения в отечественной историографии

Развитие народонаселения – сложный, многосторонний и динамичный процесс. Рассмотрение широкого круга проблем народонаселения в силу сложности и многоплановости самого объекта исследования ведется, как известно, силами не только демографов, но и представителей широкого круга других общественных и ряда естественных наук. Народонаселение стало